

**Международная безопасность
Нераспространение оружия массового уничтожения
Контроль над вооружениями**

**Журнал ПИР-Центра
политических исследований (Россия)**

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

№ 4

Июль – Август 2000

Том 6

Москва

Содержание

Редакционная статья	3
Российская инициатива по ПРО: технологически подкрепленное решение или дипломатическая уловка?	
Горячая тема	4
Владимир Орлов, Роланд Тимербаев. ДНЯО: очередной экзамен сдан успешно. Впереди – новые	
Информация и оценки (по материалам печати)	
В России. Из ядерного и ракетного досье	14
В России. Из досье по химическому оружию	25
В мире	26
Документы	
Совместное заявление президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки о принципах стратегической стабильности	29
Совместное заявление президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки В.В. Путина и У.Д. Клинтона об обращении с оружейным плутонием, заявленным как не являющийся более необходимым для целей обороны, и его утилизации и о сотрудничестве в этой области	30
Анализ	
Уильям Поттер, Николай Соков. Тактическое ядерное оружие: постановка проблемы и некоторые рекомендации	31
Полемика	40
Сергей Брезкун. Ядерное равновесие и стабильность в современном мире	
Обзор	45
Дмитрий Поликанов. Нелегальная торговля вооружениями в Африке и механизмы ее ограничения	
Страницы истории	65
Владимир Медведев. Уроки договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности	
Сообщения	
О конференции ПОНАРС	74
О семинаре «Роль неправительственных организаций и СМИ в освещении проблемы нелегальных трансферов вооружений, подконтрольных товаров и технологий»	74
О семинаре «Проблемы контроля экспорта вооружений, товаров и технологий двойного назначения»	75
О конференции «Безопасность и сотрудничество в Балто-Черноморском регионе: европейский и региональный аспекты»	75
Из редакционной почты	76
Библиотека	82
Новости ПИР-Центра	86
Summary	89
Об авторах	91

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Международная безопасность. Нераспространение оружия массового уничтожения.
Контроль над вооружениями.

Журнал ПИР-Центра политических исследований (Россия)

ISSN 1026-9878

№ 4 (52), Том 6

Июль – Август 2000

Издается с ноября 1994 года

Выходит шесть раз в год

Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати

Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.

Редакционная коллегия:

Дмитрий Евстафьев

Василий Лата

Евгений Маслин

Владимир Орлов

Роланд Тимербаев

Редакция:

Владимир Орлов, главный редактор

Карина Фуралева, помощник главного редактора

Дмитрий Поликанов, редактор английского издания

Иван Сафранчук, обозреватель

Дмитрий Ковчегин, корреспондент

Антон Хлопков, корреспондент

Татьяна Абрамова, корректор

Вячеслав Зайцев – бухгалтерия

Виктор Меримсон – производство

Елена Трофимова – компьютерное обеспечение

Наталья Харченко – распространение

Адрес для писем: Россия, 117454, Москва,

а/я 17, редакция *Ядерного Контроля*

Телефон редакции: +7-095-335-1955

(многоканальный)

Факс: +7-503-234-9558

Представительство в Интернет

и электронная версия журнала (сокращенная):

<http://www.pircenter.org>

Электронная почта:

info@pircenter.org (общие запросы)

orlov@pircenter.org (письма редактору)

safran@pircenter.org (полемика)

kovchegin@pircenter.org (информация)

library@pircenter.org (библиотека, базы данных и архив)

Распространяется в Москве, Астане, Алма-Ате, Баку, Бишкеке, Вильнюсе, Душанбе, Ереване, Киеве, Минске, Риге, Таллине, Ташкенте, Тбилиси, Архангельске, Брянске, Владивостоке, Волгограде, Вольске, Воронеже, Дзержинском, Дмитровграде, Днепропетровске, Долгопрудном, Дубне, Екатеринбурге, Железногорске, Заречном, Звездном Городке, Зеленогорске, Ижевске, Иркутске, Казани, Камбарке, Кирове, Королеве, Краснообске, Красноярске, Кургане, Лесном, Миассе, Мурманске, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Новоуральске, Обнинске, Одинцово, Озерске, Пензе, Перми, Подольске, Реутове, Санкт-Петербурге, Саратове, Сарове, Северодвинске, Североморске, Северске, Сергиевом Посаде, Снежинске, Твери, Томске, Трехгорном, Химках, Чапаевске, Челябинске, Шиханах, Щучьем, Электростали, Юбилейном, Ярославле, Арлингтоне, Атланте, Афинах, Бирмингеме, Бонне, Бостоне, Брюсселе, Вашингтоне, Вене, Женеве, Иерусалиме, Лондоне, Лос-Аламосе, Кембридже, Монтерее, Нью-Йорке, Осло, Париже, Пекине, Праге, Санта-Монике, Сан-Франциско, Стокгольме, Тель-Авиве, Токио, Франкфурте, Чикаго и Шарлотсвиле

Распространяется бесплатно для организаций и лиц в России, профессионально занимающихся проблематикой, освещаемой в журнале. Заявки следует направлять по указанному адресу или факсу на бланке организации. Бесплатная подписка ограничена. Подписку можно оформить в редакции за наличный или безналичный расчет. Отдельные номера журнала можно приобрести там же. В розничную продажу не поступает. Тел. для справок: +7-095-335-1955. Subscription overseas (Russian and English editions): please, send requests to Dmitry Polikanov +7-503-234-9558 (fax) or polikanov@pircenter.org.

Тираж: 2000 экз.

Подписано в печать: 14 июля 2000

Отпечатано в России

- Материалы «Ядерного Контроля» не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде, иначе как с письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения ПИР-Центра и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществлено благодаря поддержке Фонда Форда, Фонда У. Олтона Джоунса, Фонда Джона Мерка, Фонда Макартуров, Корпорации Карнеги Нью-Йорка, Центра по изучению проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований и др.

Издатель: ПИР-Центр политических исследований

Роланд М. Тимербаев, председатель Совета

Владимир А. Орлов, директор и член Совета

Владимир А. Мау, член Совета

Владимир Ф. Мисюченко, член Совета

Юрий Е. Федоров, член Совета

© ПИР-Центр, 2000

Редакционная статья**РОССИЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА ПО ПРО: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИ ПОДКРЕПЛЕННОЕ РЕШЕНИЕ ИЛИ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ УЛОВКА?**

Июнь 2000 года стал горячим месяцем в диалоге по проблемам ядерного разоружения. В Москве состоялся российско-американский саммит на высшем уровне, накануне которого Владимир Путин выступил с инициативой создания совместной российско-американской системы ПРО. Сразу после переговоров с Биллом Клинтонем, уже будучи с официальным визитом в Италии, российский президент предложил странам Европы (НАТО) организовать совместную систему ПРО. Именно последняя инициатива Россия стала наиболее заметной за все последние годы переговоров по проблемам ПРО/СНВ.

Фоном для сенсационного заявления г-на Путина в Италии стали безрезультатные переговоры двух президентов в Москве, а также отказ США рассматривать всерьез предложение о создании совместной российско-американской системы ПРО.

В самой Европе мнения по поводу российского предложения разделились. Большинство стран, особенно после консультаций их министров обороны с министром обороны США Уильямом Коэном в середине июня в Брюсселе, высказались о российском предложении более чем осторожно. В то же время Греция, член НАТО, вполне позитивно восприняла инициативу Владимира Путина. Правда, у Греции для этого есть свои резоны.

Но проигнорировать или сходу отвергнуть инициативу нового президента России, с которым европейским лидерам соседствовать еще многие годы, никто на континенте не решился. Хотя не исключено, что именно это было одной из целей интенсивных консультаций министра обороны США со своими европейскими коллегами в течение июня.

Что же предложила Россия? В соответствии с разъяснениями министров иностранных дел и обороны речь идет о нестратегической совместной ПРО. Однако пока остаются не ясны технические детали инициативы. Часть экспертов полагает, что речь идет о системе перехвата ракет на активном участке полета, другие считают (и, по всей видимости, справедливо), что за три-пять минут, которые длится активный участок полета ракеты, перехватить ее не возможно не только на основе нынешних технологий, но не будет возможно и в обозримой перспективе. Российские военные и дипломаты не спешат открывать детали своих инициатив, что порождает множество домыслов и интерпретаций. Министр обороны США после встречи с Игорем Сергеевым в Брюсселе прямо сказал, что ему предложение российской стороны остается непонятно. Вызывает оно много вопросов и внутри России. Даже у тех, кто его по должности разъясняет.

Трудно сказать, как рождалась инициатива президента, в каких ведомствах согласовывалась и кем оформлялась. Остается только гадать, какова была задумка президента, его советников и МИДа. Достоверно можно говорить только о том, что получилось. А получилось следующее. Россия внесла нечеткое предложение, которое никто не решился отвергнуть. Значит, его надо разъяснять. США пришлось обсуждать вопросы, которые они обсуждать были не готовы и не хотели. С их точки зрения, направление диалога по ПРО – это модификация договора от 1972 года. А говорить с Россией приходится о нестратегической европейской ПРО. Эта тема теперь закрепилась и в повестке дня Постоянного совета Россия–НАТО. Таким образом, России удалось изменить (а может, подменить) повестку российско-американского диалога по ПРО. Тем самым Россия выигрывает время на фоне роста критики в отношении планов администрации Клинтона в самих США. Одновременно Россия втянула в формальный диалог по ПРО союзников США в НАТО, которые раньше осторожно высказывались против американских планов в области ПРО (Франция, Канада, Великобритания), но по большому счету прятались за спину России, отговариваясь тем, что договор по ПРО – это двусторонний договор и решать его судьбу могут только сами Россия и США.

Как дипломатический ход российская инициатива, безусловно, удалась. Но США уже оправились от первого замешательства и заявили, что предложение г-на Путина может обсуждаться, но только не как альтернатива планам США в области создания ограниченной национальной ПРО. Это означает, что США попытаются развести обсуждение двух вопросов и вернуть российско-американский диалог в русло обсуждения модификации договора по ПРО. Противопоставить этому Россия могла бы только конкретные технические детали своей европейской инициативы.

Горячая тема**ДНЯО: ОЧЕРЕДНОЙ ЭКЗАМЕН СДАН УСПЕШНО.
ВПЕРЕДИ – НОВЫЕ**

**Владимир Орлов
Роланд Тимербаев**

Шестая Конференция по рассмотрению Договора о нераспространении ядерного оружия (КР ДНЯО) – и первая после его бессрочного продления в 1995 году – прошла в Нью-Йорке с 24 апреля по 20 мая. В ней приняли участие 157 государств-членов ДНЯО из 187. Из четырех стран, не входящих в договор (Израиль, Индия, Куба и Пакистан), только Куба направила своего наблюдателя. Кроме того, на конференции присутствовали представители 141 исследовательской и неправительственной организации (включая ПИР-Центр).

Несмотря на пессимистические прогнозы, после жестких дебатов по некоторым вопросам – прежде всего по вопросам статьи VI – конференция приняла консенсусом Заключительный документ, который содержит ретроспективный взгляд на выполнение договора, а также оценивает перспективы на будущее, предлагая ряд дальнейших шагов по укреплению международного режима ядерного нераспространения и содействию ядерному разоружению. Таким образом, впервые за последние 15 лет участникам удалось принять итоговый документ. На двух предшествующих форумах такого рода (в 1990 и 1995 годах) стороны не смогли согласовать заключительные документы из-за принципиальных разногласий, прежде всего касавшихся вопроса соблюдения ядерными государствами (ЯОГ) положений статьи VI.

Основные проблемы конференции

Итоги конференции можно без сомнения расценить как успешные. Она смогла дать новый импульс дальнейшим коллективным мерам по поддержанию и укреплению режима нераспространения. Это особенно важно в свете неблагоприятной ситуации, сложившейся в области контроля над вооружениями и ядерного нераспространения за предшествовавшие конференции пять лет. Среди них можно выделить такие, как проведение ядерных испытаний Индией и Пакистаном в 1998 году и упорный отказ этих государств и Израиля присоединиться к ДНЯО, что мешает данному международному соглашению достичь универсальности. Договор о всеобъемлющем запрещении

ядерных испытаний (ДВЗЯИ), открытый для подписания в 1996 году, еще не вступил в силу из-за того, что ряд государств, имеющих ядерный потенциал или возможности для его развития, не подписали и не ратифицировали этот договор. Самым серьезным поражением для этого договора стал отказ Сената США одобрить ДВЗЯИ. Кроме того, замедлился процесс сокращения ядерных вооружений. На Конференции по разоружению (КР) не удалось начать переговоры по выработке договора о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (ЗПРМ).

В отличие от предыдущей, КР ДНЯО 2000 года не должна была решать вопрос о *выживании* и *судьбе* договора. В 1995 году ДНЯО был продлен бессрочно. Таким образом, в этот раз над участниками конференции не довлел вопрос: быть или не быть договору; вместо этого они могли сосредоточиться на обсуждении – как сделать ДНЯО наиболее эффективным, имея в виду принятый в 1995 году документ о Принципах и целях ядерного нераспространения и разоружения.

И если основным вопросом Конференции по рассмотрению действия и продлению ДНЯО (КРП ДНЯО) 1995 года был вопрос о *сроках продления*, то основным вопросом этой конференции стал *вопрос о путях и темпах ядерного разоружения*, то есть выполнения участниками договора – главным образом ЯОГ – обязательств по статье VI. Он заметно оттеснил все прочие вопросы – даже такие существенные и традиционно чувствительные, как универсальность договора, а также соблюдение его статьи II (обязательство неядерных государств (НЯОГ) не создавать ядерные взрывные устройства).

Примечательно, что по сравнению с предыдущей конференцией относительно снизился натиск арабских государств по вопросу о присоединении к ДНЯО Израиля, хотя положения решения КРП ДНЯО 1995 года по Ближнему Востоку фактически оказались не выполнены. Конечно, этот вопрос по-прежнему оставался в числе первостепенных, а дебаты вокруг него – как

публичные, так и кулуарные – в числе наиболее острых. И все же проблематика ядерного разоружения оказалась явно доминирующей, во многом из-за широкого спектра государств, которые поднимали вопрос выполнения статьи VI.

Вопрос несоблюдения двумя государствами (Ираком и КНДР) положений ДНЯО также занял определенное место на конференции. Особенно жестко поставили этот вопрос Соединенные Штаты. Ниже мы подробно остановимся на том, как именно *иракская тема* чуть было не сорвала принятие Заключительного документа в тот момент, когда все *разоруженческие* его положения уже были полностью согласованы.

Уже на КРП ДНЯО 1995 года стало ясно, что вопросы статьи IV (мирное использование атомной энергии и согласие ЯОГ оказывать помощь НЯОГ в этом направлении) являются хотя и по-прежнему значимыми и широко обсуждающимися, но не столь острыми. КР ДНЯО 2000 года подтвердила наметившуюся тенденцию. Проблематика статьи IV не стала предметом серьезной полемики в ходе конференции и не рассматривалась в числе центральных.

Вопросы статьи VII – о создании зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО), – оказались за пределами наиболее активных дебатов, возможно, с учетом того факта, что к настоящему времени уже более 100 государств являются участниками таких зон и таким образом в целом ряде регионов (Латинская Америка, Южная часть Тихого океана, Юго-Восточная Азия, Африка) этот вопрос решен или решается, что называется, *в рабочем порядке*. В то же время мимо участников конференции не могло пройти незамеченным проведение переговоров между государствами Центральной Азии о создании там безъядерной зоны. Кроме того, Белоруссия выступила с напоминанием о своей инициативе сформировать безъядерное пространство в Центральной и Восточной Европе.

Ядерные государства

Накануне конференции одним из главных вопросов, которым задавались аналитики, был следующий: выступят ли на ней ЯОГ, как и раньше, сообщая, отложат ли серьезные разногласия, ставшие особенно заметными в последнее время между Россией и США, между США и Китаем – прежде всего, хотя и не только, в связи с намерением США

развернуть национальную систему противоракетной обороны (НПРО)? Задавались этим вопросом и авторы этой статьи¹.

За несколько дней до начала конференции мы констатировали тот факт, что разногласия по ПРО/НПРО являются тем раздражителем, который заставляет ряд российских правительственных экспертов задаться вопросом накануне конференции по ДНЯО: а стоит ли на этом форуме выступить сообщая, с единой позицией с США, другими членами *ядерной пятерки*? Особая позиция Китая по целому спектру вопросов – от ПРО до ЗПРМ – ставит под вопрос саму жизнеспособность такого альянса ЯОГ во время конференции и могла превратить *пятерку* в *четверку*. В этих условиях и ставился вопрос: а надо ли России подключаться к альянсу *ядерной четверки* или же ей стоит, как и Китаю, занять особую позицию. Тем более что, с точки зрения многих государств-участников ДНЯО, такая позиция была бы явно выигрышной? Ведь не секрет, что не только Китай, но даже и ряд государств НАТО с сочувствием относятся к позиции России по вопросам ПРО.

Но делали следующий вывод: хотя соблазн выйти на КР ДНЯО в *белых одеждах* и на удалении от США – велик, однако российским дипломатам следовало бы проявить выдержку и устоять от этого соблазна. Отказ от согласованных действий в рамках *пятерки* превратил бы для России тактический выигрыш в стратегический проигрыш, накренив *весь корабль ДНЯО*, что, в конечном счете, противоречит *коренным* долгосрочным интересам России².

Нам представляется важным, что в Москве в итоге приняли решение *не раскачивать корабль*. Не менее важным стало то, что практически сходное решение приняли накануне конференции и в Пекине. В результате *ядерная пятерка* выступила на конференции, как и прежде, единым фронтом, что для ряда делегаций и наблюдателей оказалось неожиданным.

Россия, пришедшая на конференцию с солидным багажом успешно выполненных *домашних заданий* (ратификация СНВ-2, ратификация ДВЗЯИ – хотя в обоих случаях, пусть по совершенно различным причинам, не означающая вступления договоров в силу), с первого дня конференции заняла активную и гибкую позицию.

Позиция России была вкратце сформулирована в послании к участникам конференции президента России Владимира Путина: «Россия привержена своим обязательствам в области ядерного разоружения, намерена и далее следовать им в условиях сохранения стратегической стабильности и созданной за последние десятилетия системы разоруженческих договоров как основы для дальнейших сокращений и ограничений стратегических наступательных вооружений»³.

Отметим здесь словосочетание *стратегическая стабильность* – именно оно стало лейтмотивом выступлений в ходе конференции российских делегатов; иногда даже создавалось впечатление, что в частоте применения этого не всем на конференции понятного термина есть некоторый перебор. В ряде же случаев представители Движения неприсоединения (ДН) (в частности, Мексика) прямо говорили о том, что термин этот неприемлем в итоговых документах, так как велик риск, что под предлогом *стратегической стабильности* будет реабилитирован возврат к конфронтации и, возможно, к новой гонке вооружений.

В своем выступлении в начале конференции министр иностранных дел России Игорь Иванов заставил серьезно напрячься американцев, когда детально и без приглаживания изложил позицию России по ПРО, резюмировав, что «соблюдение Договора по ПРО в его нынешнем *виде без каких-либо модификаций*» является «*необходимым условием* продолжения переговоров по ядерному разоружению в соответствии со статьей VI договора о нераспространении» [курсив наш – Авт.]⁴.

Не Ирак или Северная Корея, а Соединенные Штаты были единственной страной, названной по имени в выступлении российского министра – названной со знаком минус, в контексте намерения развернуть НПРО. В выступлении Игоря Иванова нашлось место и такому обобщению: «[...] Опасность представляет тенденция к расшатыванию существующей системы стратегической стабильности, попытки строить национальную безопасность в ущерб интересам других государств, а тем более присвоить себе право применять силу в нарушение основополагающих принципов Устава ООН и международного права. Это, по сути, прямое приглашение к новой гонке вооружений на планете»⁵.

Казалось бы, после такого зачина следовало ожидать, что вопросы ПРО окажутся, по крайней мере, одним из центров внимания участников конференции. Казалось также, что – особенно принимая во внимание настроения целого ряда европейских делегаций (среди прочих, французской, швейцарской, ирландской), а также канадской и китайской – российская критика в адрес США по вопросу ПРО будет поддержана.

Однако этого не произошло.

По свидетельству российского участника конференции, американцы *немножко обиделись* на выступление российского министра, поскольку «тема НПРО для них чрезвычайно болезненная». В то же время уже к моменту выступления Игоря Иванова обе стороны знали, что не станут *выносить сор из избы*. Было условлено, что КР ДНЯО – не тот форум, на котором следует решать двусторонние вопросы – а вопрос ПРО именно к таковым, по мнению и России, и США, относится. Более того, этот вопрос условились не выпячивать даже в дискуссиях в рамках *ядерной пятерки*. Таким образом, выступление российского министра стало лишь очередным изложением официальной российской позиции и демонстрацией ее непоколебимости. В то же время никаких дальнейших дипломатических усилий по *развитию наступления* не последовало. Просто потому, что такое наступление не стояло в планах. Такая позиция России вызвала определенное разочарование у ряда делегаций и особенно у представителей западных неправительственных организаций, которые рассчитывали, что именно наступательность России в ходе конференции сможет заставить США пересмотреть свои планы в отношении НПРО.

В результате вопросы ПРО не только не стали центральными, а ушли на периферию обсуждения. Как написала директор Института *Акроним* Ребекка Джонсон (Rebecca Johnson) в одном из ежедневных бюллетеней, выходивших в ходе конференции, «[...] отсутствие дебатов вокруг противоракетной обороны на КР ДНЯО – весьма тревожный симптом. Это сигнал для Вашингтона о том, что, несмотря на риторику по поводу своей озабоченности, Китай и Россию можно купить, а больше ни у кого нет политической воли бросить вызов США и обсудить этот вопрос в контексте режима нераспространения»⁶.

Ядерная пятерка, по крайней мере на время конференции, предпочла солидарность публичным пикировкам.

Важным и, как нам представляется, позитивным вкладом в работу конференции стало сделанное 1 мая согласованное заявление делегаций пяти ЯОГ (Великобритании, Китая, России, США и Франции). В заявлении, среди прочего, приветствуется ратификация ДВЗЯИ Российской Федерацией и говорится о том, что «ни одна из наших ядерных ракет не нацелена ни на какое другое государство». Кроме того, там отмечается, что «ратификация Российской Федерацией СНВ-2 является важным шагом в усилиях по сокращению стратегических наступательных вооружений, и мы приветствуем это. На первое место сейчас выходит завершение процесса ратификации СНВ-2 Соединенными Штатами Америки. Мы стремимся как можно скорее заключить СНВ-3 при одновременном сохранении и укреплении Договора об ограничении систем противоракетной обороны в качестве краеугольного камня стратегической стабильности и основы для дальнейшего сокращения стратегических наступательных вооружений в соответствии с его положениями»⁷.

Пожалуй, в словосочетании *сохранение и укрепление* (*preserving and strengthening*) и был заложен главный смысл: американцы признают необходимость сохранения договора по ПРО, а Россия и Китай принимают тезис о возможности его *укрепления* – туманное слово, которое может равно означать и модификацию, и косметические изменения и которое как раз оказалось кстати, чтобы вынести спорный вопрос за рамки конференции.

В заявлении пяти членов *ядерного клуба* подчеркивается также важность Дополнительного протокола МАГАТЭ о гарантиях, подписанного всеми ЯОГ, а также поддерживается необходимость повышения прозрачности системы контроля над ядерным экспортом.

Новые игроки

Особенностью данной конференции стала активная роль, сыгранная государствами Коалиции за новую повестку дня (КНПД), в которую входят Бразилия, Египет, Ирландия, Мексика, Новая Зеландия, ЮАР и Швеция. Именно им удалось добиться принятия ЯОГ недвусмысленных обязательств и конкретных

мер по ядерному разоружению. Это позволило главе ирландской делегации заявить, что «повесткой дня Конференции [...] стала повестка дня, предложенная Коалицией»⁸.

Динамизм и решительность, с которой повела себя на конференции КНПД, оказались неожиданностью для ЯОГ, в том числе и для России.

Что не стало неожиданностью, так это заметное понижение роли ДН. Потеря лидерства была обусловлена поражением линии ДН в ходе КРП ДНЯО 1995 года. Тогда же произошла фактическая фрагментация движения.

На нынешней конференции практически все ключевые вопросы, особенно из *разоруженческой* части повестки дня, решались в кулуарах между делегатами ЯОГ и КНПД. ДН из этого диалога оказалась практически исключена. И хотя ошибочно было бы считать, что успешный результат конференции стал возможен исключительно благодаря договоренностям между *старой пятеркой* и *новой семеркой*, все же в значительной степени именно эта дюжина государств, а также Канада обеспечили компромиссную выработку и затем консенсусное принятие Заключительного документа.

Ряд государств, которые, как ожидалось накануне конференции, могли бы серьезно повлиять на ход и акценты дискуссии, на самом деле остались в тени. Так, японская делегация – самая многочисленная, несмотря на внушительный объем домашних заготовок, вела себя в Нью-Йорке достаточно вяло. Ушла от политики жесткости и настойчивости, характерной для ее поведения в 1995 году, Малайзия.

Разоружение

В Заключительном документе ЯОГ заявили о «недвусмысленном обязательстве [...] осуществить полную ликвидацию своих ядерных арсеналов для достижения ядерного разоружения, делу которого привержены все государства согласно статье VI». В то же время предложения некоторых государств из ДН об установлении конкретных сроков ядерного разоружения приняты не были. Государства-участники ДНЯО подчеркнули необходимость скорейшего вступления в силу ДВЗЯИ и скорейшего начала переговоров по ЗПРМ, которые застопорились на КР. Поддерживая идею добросовестного и

полного выполнения СНВ-2, недавно ратифицированного Государственной Думой России, участники конференции призвали США и РФ добиться заключения СНВ-3. НЯОГ выразили свою озабоченность тем, что ЯОГ всерьез не воспринимают свои обязательства по ядерному разоружению, что затрудняет прогресс в этой области. В этой связи ими был выдвинут ряд важных инициатив, которые необходимо осуществить в течение следующих пяти лет в дополнение к двусторонним шагам по сокращению стратегических вооружений, которые предпринимаются сейчас. Согласно программе действий, которая содержится в договоренностях о дальнейших мерах в этой сфере, ЯОГ принимают на себя следующие обязательства:

- предпринимать дальнейшие односторонние усилия по сокращению своих ядерных арсеналов. С 1991 года США, Россия, Великобритания и Франция сделали ряд серьезных шагов по одностороннему ядерному разоружению, сократив количество имеющегося у них тактического и стратегического ядерного оружия. Односторонние меры способны сыграть важную роль, когда двусторонние и многосторонние переговоры заходят в тупик. Кроме того, односторонние меры могут являться хорошим дополнением к существующим соглашениям по разоружению;
- обеспечивать большой обмен информацией о ядерных возможностях друг друга и о ходе выполнения соглашений по разоружению. Как отмечалось на конференции, Великобритания, Россия и США уже несколько продвинулись в направлении большей транспарентности, что является первым шагом к повышению эффективности проверок, однако Франция и особенно Китай не намерены раскрывать такого рода информацию;
- сокращать арсенал нестратегических ядерных вооружений. На конференции обращалось внимание на то, что Россия продолжает обладать большим количеством тактического ядерного оружия (ТЯО); Вашингтон также сохраняет ТЯО в своем арсенале, причем 150–200 тактических бомб по-прежнему находятся за пределами США на территории семи стран НАТО в Европе;

- осуществлять конкретные меры по дальнейшему снижению состояния оперативной готовности ядерного оружия. ДН и КНПД оказывали давление на ЯОГ с целью заставить последних снять с боевого дежурства свои ядерные вооружения, деактивировать их и отстыковать ядерные боеголовки от носителей, обеспечив их отдельное складирование в удаленных от средств доставки местах. В упоминавшемся выше заявлении от 1 мая пять ЯОГ впервые отметили, что их ядерные вооружения не нацелены против кого-либо. Теперь же ЯОГ обязались предпринять дальнейшие шаги в этом направлении;
- уменьшать роль ядерного оружия в обеспечении безопасности. На этой конференции НЯОГ вновь и вновь поднимали вопрос о том, что ЯОГ, входящие в НАТО, и Россия продолжают придерживаться политики сдерживания, основанной на возможности нанесения ядерного удара первым. Не меньшую обеспокоенность вызывает и концепция расширенного использования ядерного оружия в ответ на угрозу применения или применения химических и биологических вооружений другими странами, хотя оба эти вида оружия массового уничтожения (ОМУ) запрещены;
- включиться как можно скорее в переговорный процесс по сокращению ядерных вооружений и разоружению. В настоящее время Великобритания, Китай и Франция занимают пассивные позиции, ожидая, пока Россия и США предпримут более глубокие количественные сокращения своих ядерных арсеналов, чтобы лишь после этого подключиться к процессу сокращения и ликвидации стратегических вооружений.

Более того, программа дальнейших мер в области ядерного разоружения предусматривает мораторий на проведение ядерных испытаний до вступления в силу ДВЗЯИ. В ней также подчеркивается *принцип необратимости* контроля над ядерными вооружениями. Это особенно важно, учитывая современную тенденцию среди ряда ЯОГ на переработку плутония, высокообогащенного урана и других компонентов демонтируемых ядерных вооружений с целью их будущего использования в производстве новых или модернизированных ядерных боеголовок.

Такой результат был достигнут во многом благодаря гибкости, проявленной делегацией России. Последняя неделя конференции началась под знаком нарастающего пессимизма. Многие участники конференции считали, что она заходит в тупик в вопросах статьи VI. В то время как государства КНПД проявляли недюжинную настойчивость, ЯОГ заняли круговую оборону. Россия, которая пришла на конференцию с ратифицированными СНВ-2 и ДВЗЯИ, а также с предложениями о сокращении стратегических ядерных арсеналов до уровня 1500 боеголовок для себя и для США, в какой-то момент вдруг оказалась в положении чуть ли не главной обвиняемой в том, что процесс разоружения стопорится. Ей припомнили и новую военную доктрину, и ссылки на *стратегическую стабильность*, и наличие значительных и нетранспарентных арсеналов субстратегического ядерного оружия. Так, по вопросу о ТЯО неожиданно широким фронтом выступили самые различные государства – от Киргизии до Финляндии, и число их перевалило за три десятка. Для стороннего наблюдателя могло даже создаться впечатление, что это именно Россия начинает тормозить конструктивную выработку итогового документа.

Но за два дня до окончания конференции Россия, неожиданно для других ЯОГ, вдруг заявила, что согласна на весь разоруженческий пакет, разработанный в основном государствами КНПД. Это вызвало прилив энтузиазма у делегатов. Сразу возникло ощущение, что стал виден свет в конце туннеля под названием «конференция по рассмотрению ДНЯО».

Настала очередь Китая.

Китай, в конце концов, одобрил текст по транспарентности, который являлся одной из основ соглашения по дальнейшим мерам в области ядерного разоружения (согласно пункту 4(с) решения КРП ДНЯО 1995 года о Принципах и целях). Это позволило разблокировать переговоры по мерам, касающимся рассмотрения усилий ЯОГ в области ядерного разоружения.

Компромиссная позиция Китая и КНПД обеспечили принятие конференцией разделов документа, касающихся ядерного разоружения.

В то же время следует иметь в виду, что, не разрушив консенсус ЯОГ и общий консенсус

при принятии Заключительного документа, Китай фактически отмежевался от него сразу после принятия. В последующем выступлении китайского делегата ясно прозвучала мысль о том, что для Китая вопросы, связанные с транспарентностью, слишком важны и чувствительны, чтобы он был как-то связанным Заключительным документом. Кроме того, Китай в резких выражениях осудил то, что «Заключительный документ оказался оторван от контекста международной обстановки». Начав с НПРО, «которая может разрушить Договор по ПРО», китайский делегат перечислил как достойную осуждения «политику вмешательства во внутренние дела других стран», «политику ядерного зонтика» и «политику разделения ядерной ответственности» (nuclear sharing). Наконец, стало ясно, что Китай ни на йоту не изменил своей позиции по увязке начала переговоров по выработке ЗПРМ с формированием на Конференции по разоружению комитета по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве, считая, что «предотвращение милитаризации космического пространства является более неотложной задачей, чем ЗПРМ».

Можно предполагать, что Россия будет поддерживать эту позицию Китая. Приходилось слышать и высказывания в том духе, что если требование Китая и дальше будет отклоняться Соединенными Штатами, дни КР будут сочтены.

Безъядерные зоны

Государства Центральной Азии в связи с сохраняющимися расхождениями не успели сделать подарок этой конференции в виде провозглашения новой ЗСЯО. Однако в Заключительном документе все же отмечается «существенный прогресс», достигнутый центрально-азиатской пятеркой в переговорах по выработке такого договора.

В то же время конференция, по сути, проигнорировала настойчивые предложения Белоруссии по включению в Заключительный документ хотя бы какого-либо конкретного упоминания об инициативе этой страны по созданию безъядерного пространства в Центральной и Восточной Европе. Хотя уже изначально позиция Белоруссии в ходе конференции – «не открывать заново дебаты о своей инициативе, а лишь продемонстрировать свое видение движения в сторону безъядерного мира» – была подчеркнута скромной⁹, даже и в этом виде

она встретила решительное неприятие таких государств, как Польша. Призыв Белоруссии ко всем заинтересованным сторонам «начать широкий диалог по этой инициативе, который мог бы стать отправной точкой в деле создания безъядерного и безопасного мира», был, по сути, заблокирован.

Досадно, что предложение, которое полностью соответствует духу ДНЯО, было практически отвергнуто даже без должных разъяснений со стороны центрально- и восточноевропейских государств, к которым оно прежде всего было обращено. Досадно и то, что КР ДНЯО прошла мимо этой важной инициативы, хотя бы — как минимум — в качестве констатации наличия такого предложения. Белоруссия могла бы в последний момент встать на пути широкого консенсуса при окончательной шлифовке Заключительного документа и добиваться включения упоминания, в той или иной форме, своего предложения; но она предпочла не делать этого.

Прошел мимо Заключительного документа (и практически не нашел отражения в дискуссии на конференции) призыв России и Китая к ЯОГ не размещать ядерное оружие за пределами их национальных территорий¹⁰. Соединенные Штаты в кулуарах заявили коллегам по *ядерной пятёрке*, что это тема, с их точки зрения, вообще не может рассматриваться как предмет для обсуждения.

Универсальность

Вопросы всеобщего членства в ДНЯО оказались, как уже было сказано, на втором плане.

Заключительный документ призывает Индию и Пакистан присоединиться к ДНЯО в качестве НЯОГ, а также подписать ДВЗЯИ, принять участие в выработке ЗПРМ и укрепить меры национального экспортного контроля.

Однако не случайно именно во время проведения этой конференции в Нью-Йорке из Дели прозвучало официальное заявление с тем, что Индия готова выполнять все требования политики ядерного нераспространения «в качестве государства-обладателя ядерного оружия». В завершающие дни конференции среди ряда делегаций усиленно ходили слухи о готовящейся серии ядерных испытаний в Южной Азии — обоими государствами или же только Пакистаном. Проведение этих испытаний (даже если бы за

ними последовало, если верить тем же слухам, подписание Индией и Пакистаном ДВЗЯИ — так называемый *вариант Ширака*) нанесло бы непоправимый удар по престижу конференции.

Индия как бы оказалась под огнем критики — и вне критики одновременно. Многие наблюдатели обратили внимание на то, что некоторые влиятельные участники договора смотрят на Индию как уже на негласного члена *ядерного клуба* и лишь для вида призывают Индию присоединиться к ДНЯО в качестве НЯОГ, на деле же признавая *сложившиеся реалии*. Не прошло незамеченным и стремление ряда государств, прежде всего Франции и России, подчеркнуть свое благорасположение к Индии, рассчитывая развить с ней ядерное сотрудничество.

Заключительный документ шесть раз упоминает Израиль как государство, не являющееся участником ДНЯО и которое должно как можно скорее к договору присоединиться, а также поставить всю свою ядерную деятельность под гарантии МАГАТЭ. В одном месте Израиль даже назван как «единственное государство» региона Ближнего Востока, не присоединившееся к договору.

Уже сам факт упоминания Израиля рассматривается как серьезная уступка со стороны Соединенных Штатов. В то же время, как увидим ниже, США стремились сделать эту уступку разменной монетой в *иракском вопросе*.

Куба, хотя и не являющаяся участником ДНЯО, рассматривалась многими в ходе конференции скорее как пример для подражания (для оставшихся неучастников договора), нежели как заслуживающий порицания изгой. Решение Кубы подписать Дополнительный протокол МАГАТЭ было встречено позитивно.

На конференции было распространено письмо постоянного представителя Кубы при ООН, где подробно разъяснялась позиция его страны в отношении ДНЯО. Куба считает положения ДНЯО «дискриминационными» и «избирательными». Куба возмущена упреками в свой адрес со стороны США в связи с нечленством в ДНЯО и называет их «лицемерными», так как это именно США «относятся к основным нарушителям

основных положений Договора, таких, как статья VI»¹¹.

Ряд делегаций, а также представителей неправительственных организаций отнеслись к аргументации Кубы весьма сочувственно.

Несоблюдение положений договора

К одним из основных требований Соединенных Штатов по выработке Заключительного документа относилось осуждение двух нарушителей ДНЯО — Северной Кореи и Ирака.

По КНДР в Заключительном документе записано, что конференция «с озабоченностью замечает», что КНДР, являясь участником ДНЯО, не обеспечивает для МАГАТЭ возможности проверить правильность и полноту изначального заявления о наличии ядерных материалов, в результате чего нельзя сделать вывода об отсутствии переключения ядерного материала на военные цели.

Это положение не встретило возражений, прежде всего потому, что делегация КНДР на конференции отсутствовала.

В то же время дискуссия вокруг формулировок по Ираку чуть было не привела к патовой ситуации и срыву конференции.

В заключительные часы работы конференции усилились разногласия между США и Ираком, от решения которых непосредственно зависел успех КР ДНЯО. Проблема состояла в формулировках нескольких абзацев в проекте решения конференции, касающегося региональных вопросов. Из-за отказа США напрямую встретиться с иракской делегацией председателю конференции Абдалле Баали (Abdallah Baali) пришлось обратиться за посреднической помощью к руководителю канадской делегации Кристоферу Вестдалу (Christopher W. Westdal). Последний был вынужден заняться *челночной дипломатией*, переходя из комнаты в комнату и доводя до сторон предложения друг друга.

В какой-то момент в ночь с 19 на 20 мая делегаты ряда государств, включая Россию, стали полагать, что конференция может закончиться провалом. Соответствующие телеграммы были посланы в столицы.

Понимая необходимость констатации несоблюдения Ираком резолюции Совета безопасности ООН 687, многие делегации в то же время считали, что, с юридической точки

зрения, позиция США выглядит уязвимой. Так, Россия и Китай поддержали Ирак. Российские переговорщики отклонили просьбы звонить в Москву и просить Игоря Иванова воздействовать на своего иракского коллегу. Близкую позицию заняла Франция.

После того, как работа конференции плавно вышла за установленные временные рамки и была продолжена 20 мая, делегация США начала проявлять обеспокоенность слухами о том, что Вашингтон, возможно, планировал провал конференции и стремился не допустить скорейшего заключения соглашений по разоружению; что США, якобы, были поражены конструктивностью позиции России и Китая в области разоружения и пытались теперь использовать Ирак в качестве *козла отпущения* для срыва форума. Озабоченность вызывало и желание США использовать невыполнение Ираком условий ДНЯО в качестве противовеса аргументам Египта о необходимости осудить Израиль за неприсоединение к договору. Оба эти положения были одинаково важны, но попытки США увязать их между собой не были поддержаны участниками конференции. Наконец, после вмешательства руководства госдепартамента США, американская делегация согласилась на формулировки, которые Ирак также был готов одобрить, а именно: были приняты во внимание результаты недавних инспекций МАГАТЭ и признавалось, что «после завершения работы инспекций МАГАТЭ в Ираке 16 декабря 1998 года» Агентство «не имело возможности предоставить доказательства добросовестного выполнения Ираком резолюций Совета безопасности ООН 687». При этом к удовлетворению иракской делегации, не упоминалась последняя резолюция Совета безопасности ООН, принятая в декабре 1999 года.

Итоги

Этот компромисс привел к бурной активизации деятельности по разрешению других не менее важных вопросов, включая экспортный контроль, гарантии МАГАТЭ, консультативное заключение Международного Суда от 1996 года (упоминавшееся в тексте лишь по названию) и слегка измененные положения, направленные против Израиля, Индии и Пакистана.

К 17.00 субботы 20 мая Заключительный документ был принят консенсусом. Он объединил в себе отчеты трех главных комитетов и двух вспомогательных органов, а

также проект документа председателя конференции о «дальнейшем повышении эффективности процесса рассмотрения действия ДНЯО». Вслед за утверждением документа последовали около 20 выступлений государств-участников, и в некоторых из них содержались оговорки к только что утвержденным текстам.

После долгих дебатов председатель конференции — алжирский посол Абдалла Баали — констатировал завершение форума, объявив о принятии Заключительного документа, содержащего общие для государств-участников взгляды на цели и задачи в области ядерного разоружения и нераспространения. Несмотря на то, что конференция закончилась почти на сутки позже запланированного срока и после серии заседаний, растянувшихся до поздней ночи, все вздохнули с облегчением, когда первая после бессрочного продления договора КР ДНЯО закончилась столь удачно.

Выработав итоговый документ, КР ДНЯО показала, что мировое сообщество глубоко и искренне заинтересовано в сохранении режима ядерного нераспространения как одного из краеугольных камней международной стабильности. Прогнозы экспертов о том, что конференция не сможет достичь согласия относительно заключительной декларации, а некоторые государства-участники ДНЯО могут выйти из договора, не оправдались. По мнению многих наблюдателей, общая атмосфера конференции отличалась конструктивностью, хотя, как и ожидалось, между участниками существовали серьезные разногласия по многим вопросам.

Помимо оценки хода выполнения договора за последние пять лет, конференция приняла важное соглашение по дальнейшим практическим мерам в области ядерного разоружения, которые были согласованы ЯОГ и КНПД.

По мнению представителя российской делегации, «Конференция должна рассматриваться как безусловно успешная — прежде всего потому, что был принят Заключительный документ, на который, честно говоря, никто не рассчитывал. Этот документ сбалансирован и отвечает интересам всех членов ДНЯО. Ядерным государствам надо понимать, что им предстоит непростая работа, потому что в результате Конференции вопрос о будущем ядерного оружия, о разоружении встал в новом измерении. От

новой постановки вопроса нельзя отмахиваться».

Успехи КР ДНЯО 2000 года кажутся еще более впечатляющими, поскольку они имели место в момент, когда процесс разоружения зашел в тупик, когда между некоторыми ЯОГ возникли глубокие политические разногласия. Главным из них стал вопрос развертывания американской национальной системы НПРО, которая способна подорвать договор по ПРО.

Тем не менее, хотя соглашения по разоружению могут рассматриваться как серьезный прорыв, они должны прежде всего соотноситься с тем, что прошло мимо конференции. С политической точки зрения, была упущена возможность привлечь внимание к тем угрозам режиму нераспространения, которые несет с собой американский план развертывания национальной системы ПРО. Кроме того, форуму не удалось в жесткой форме донести до КР в Женеве идею немедленного начала переговоров по ЗПРМ и скорейшего заключения соответствующего соглашения. Оба эти вопроса имеют большое значение для НЯОГ и некоторых ЯОГ, но решение этих проблем было заморожено из-за позиции ЯОГ, согласившихся с требованием Китая увязать переговоры по ЗПРМ с программой работы КР. По мнению КНР, такая программа должна включать специальный комитет или рабочую группу по «предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве», необходимость создания которой отрицали в Женеве лишь США. Китай, в свою очередь, взамен на эту уступку открыто не возражал против планов США по НПРО (за исключением оговорки, сделанной после принятия Заключительного документа).

Итоговый документ содержит призыв к Индии и Пакистану последовать резолюции Совета безопасности ООН 1172, принятой после проведения этими двумя государствами ядерных испытаний в 1998 году. Не менее важным является и требование о создании зоны, свободной от ОМУ, на Ближнем Востоке, причем документ называет Израиль в числе четырех оставшихся стран (Индия, Израиль, Пакистан и Куба), которые должны как можно скорее присоединиться к ДНЯО в качестве НЯОГ. В то же время в Заключительном документе отсутствует предложение Белоруссии об обсуждении возможности создания безъядерного пространства в Центральной и Восточной Европе. Это произошло, как уже отмечалось, в

результате решительного противодействия Польши, ряда других государств НАТО.

Работа комитета, занимающегося экспортным контролем над ядерными материалами и технологиями, оказалась малорезультативной. Тем не менее конференция подтвердила обязательства 1995 года по тому, чтобы сделать полноохватные гарантии непреходящим условием поставок ядерных технологий и материалов, несмотря на позицию Китая, вновь сделавшего оговорки относительно такого рода гарантий.

Нью-Йорк – Москва

Документы конференции будут опубликованы в следующем номере

¹См.: Орлов Владимир, Тимербаев Роланд. Нужна ли РФ особая позиция на Конференции в Нью-Йорке. *Независимая Газета*, 20 апреля 2000, с.4; Orlov Vladimir, Timerbaev Roland. Concerted Effort Needed on Nonproliferation. *Moscow Times*. 19 April 2000, p.9

²Орлов Владимир, Тимербаев Роланд. Нужна ли РФ особая позиция на Конференции в Нью-Йорке. *Независимая Газета*, 20 апреля 2000, с.4

³Цит. по: Выступление министра иностранных дел Российской Федерации

И.С. Иванова на Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия. Нью-Йорк, 25 апреля 2000 года.

⁴Там же

⁵Там же

⁶Johnson Rebecca. Sixth NPT Review Conference. Briefing # 13. 14 May 2000, p.2

⁷Письмо представителей Китайской Народной Республики, Российской Федерации, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки и Франции от 1 мая 2000 года на имя председателя Конференции 2000 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора. NPT/Conf.2000/21, 1 May 2000, pp.3, 4 (Russian).

⁸Leopold Evelyn. Nuclear Meeting Deadlocked on Iraq Controversy. *Reuters*, 19 May 2000

⁹См.: Nuclear-Weapon-Free Zones. Working paper submitted by Belarus.

¹⁰См.: Working paper submitted by China. 1 May 2000. NPT/Conf.2000/MC.I/WP.2, p.2

¹¹Letter drafted 8 May 2000 from the Permanent Mission of Cuba to the United Nations addresses to the Secretary-General of the 2000 NPT Review Conference. NPT/Conf.2000/24. 9 May 2000, p.3

Вышли в свет в апреле – июне 2000 года

- *Ядерный Контроль*. Том 6, №3. Май–Июнь 2000. В номере: Евгений Зведре «Российско-американский диалог по нераспространению: иранский фактор и взаимодействие в экспортном контроле», Григорий Рапота: «Всеми вопросами регулирования ВТС должен заниматься Минторг», Анатолий Шевцов «Договор об ограничении систем противоракетной обороны: основа стратегической стабильности или яблоко раздора?», Андрей Ефимов «Новые вызовы международному режиму нераспространения и Группа ядерных поставщиков», Джонатан Бенджамин-Альвардо «Демонизация Кубы: что делать?», Виктор Воронов «СНВ-3: проблемы равной безопасности (о рамочных соглашениях к будущему договору)», Вадим Козюлин «Россия–Сирия: военно-технический торг». Цена 1400 руб.

(См. также с.28, 64)